

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Городской дом (бывший Кирьякова)

Выше мы говорили о том, что места № 23 и 24 изначально (1794) отвели Кирьякову, но мы не знаем наверняка, он ли их застраивал. Зато мы точно знаем, что он застроил два других места, № 25-26, на углу Ришельевской и Ланжероновской (ныне – территория сквера в самом начале четной стороны Ришельевской возле Оперного театра, то есть № 2, и дома № 13 по Ланжероновской улице), отведенные тогда же флота капитану 2-го ранга Бардаки (Бардака)³⁴⁷. Речь тут явно о капитан-лейтенанте Иоанне Григорьевиче Бардаки, который стал георгиевским кавалером уже в феврале 1792-го, а в 1798-м получил орден Св. Владимира 4-й степени за целый ряд успешных сражений с турецкими эскадрами, отличился при штурме Измаила. Впрочем, это вопрос частный, а Бардаки ни в каких известных мне и связанных с застройкой делах больше не упоминается, есть лишь информация о том, что сын его в 1809-м поступил в Одесскую коммерческую гимназию.³⁴⁸ Возникает вопрос: поменялись ли они местами, застроил ли Кирьяков все четыре места? Пока неизвестно, но, похоже, Бардаки не застроился, ибо постоянно находился в морских походах, а затем был назначен капитаном порта в Севастополе. Что до Кирьякова, то он довольно рано застроил два места в смежности с Поджио, поскольку обстоятельства благоприятствовали.

Полицейской частью в новорожденной Одессе заведовал поручик итальянского происхождения Августин де Пачио-

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-68.

ли, которого чаще именуют плац-майором. 15 июля 1795 года он уже в чине капитана сдал свою должность назначенному на кануне «для управления полицейской частью» градоначальнику секунд-майору *Григорию Степановичу Кирьякову*, командиру 4-го батальона Черноморского гренадерского корпуса. В официальных документах его также называют исполняющим обязанности военного коменданта: в этом отношении вообще наблюдаются некоторые противоречия. Ситуация в те годы не способствовала четко сформулированным функциональным обязанностям местных властных структур, они часто пересекались, выясняли отношения, тянули одеяло на себя. 26 декабря 1795 года Кирьякова уволили от должности по болезни. Обязанности градоначальника временно исполнял казначей Экспедиции строения города участник штурма Измаила секунд-майор Петр Федорович Небольсин, с предписанием по должности полиции относится к инженер-майору Федору Кайзеру, находившемуся в Одессе за военного коменданта.

В начале 1796-го открыл свою деятельность первый магистрат. После кончины императрицы развернулись серьезные пертурбации. По указу от 20 мая 1797 года на место полицмейстера в чине подполковника вернулся Кирьяков, а военным комендантом на будущее назначался шеф постоянно расквартированного в городе полка, в данном случае – Ладожского мушкетерского. 23 сентября были приведены к присяге члены нового, так называемого иностранного магистрата, причем в течение нескольких месяцев он функционировал параллельно с прежним, российским, и оба муниципалитета энергично выясняли отношения. В 1798-м Кирьякова в должности полицмейстера сменил надворный советник Николай Лер, а в 1799-м подполковник Степан Егорович Лесли.

У семи нянек дитя без глазу: в младенческие годы Одесса буквально купалась в беззаконии. Приведу для иллюстрации неаппетитные названия нескольких архивных дел второй половины 1790-х: «Прощение одесского жителя Берки Мошковича о грабеже и убийстве жены его офицерами береговой команды», «О привлечении к суду Ивана Константинова за изнасилование 9-летней девочки», «Об одесской мещанке Акулине Акимовой

и помещика Шарова подданной Дарье Дубьячиной, выдавших синюю бумажку за пятирублевую ассигнацию», «По сообщении одесского градоначальника Кирьякова о елисаветградском мещанине Федоре Колесникове, убившем жену свою Парасковию», «О смертоубийце Гавриле Маркитанте», «О защите еврейну Рохлю Берковичеву и Вольфову от притеснений здешнего еврейского общества», «По прошению вдовствующей женщины Анастасьи Григорьевой о насильственном якобы на нее нападении одесской греческой церкви священником и иеромонахом и Иеремием Грамматикопуло и незаконном блудодеянии; здесь же по представлению к Митрополиту об определении на место его, Грамматикопуло, священника» (если якобы, то почему священник смещен?) и т. д.³⁴⁹

О злоупотреблениях Кирьякова тоже немало писано. Приведу еще пару названий синхронных дел по этому поводу со ссылками. Сами дела не сохранились, однако названия более чем красноречивы. «О чинимых полицмейстером Кирьяковым с подчиненными ему полицейскими чинами и городского округа смотрителем Стреховым подведомственным сему магистрату людям разнообразных стеснениях. 22 октября – 2 ноября 1797 г.».³⁵⁰ «Копия с указа губернского правления о споре между членами магистрата и полицмейстером Кирьяковым. 30 октября 1797 г.».³⁵¹ Говоря короче, управлял он жестко, властно, бесцеремонно, был хозяином положения, и, понятно, имел все возможности, обеспечивавшие успешное домостроительство, по крайней мере с лета 1795-го.

В 1802 году находившийся в чине коллежского советника Кирьяков за 14.500 рублей продал этот свой дом со службами на местах № 25-26 Департаменту внешней торговли для размещения в нем таможи. Однако уже «1803-го занят был оный одесским военным губернатором Дюком де-Ришелье» (это вовсе не означает, что тотчас туда перебрался; судя по документам, в первое время он жил в доме Поджио). По этой причине «Одесский строительный комитет нанял для присутствия таможи дом у действительного статского советника князя Мещерского за 1.200 рублей в год, и деньги платил из городских доходов; для таможенной же инвалидной команды и для пакгаузов под складку товаров нани-

мались от Департамента особо в том же князя Мещерского доме флигель и магазин с платежом в год по 2.100 рублей, что и составило всего найма в год по 3.300 рублей».³⁵²

О доме Мещерского – разговор особый, и он еще состоится, а тут мы, хотя бы мимоходом, не можем не задаться вопросом: где же помещалась Одесская таможня ранее 1803 года? На этот счет имеются весьма надежные архивные данные. Правда, сюжет уводит нас от избранного маршрута, но недалеко, в соседний III квартал, ограниченный улицами Ришельевской, Ланжероновской, Итальянской (Пушкинской) и Дерибасовской, куда мы все равно скоро переместимся.

Относительно местоположения *первой стационарной таможни* никаких вопросов не возникает. Временная деревянная таможня в приморской зоне функционировала, по крайней мере, до июля 1799 года включительно.³⁵³ Первая каменная находилась на углу нынешних улиц Ланжероновской и Пушкинской (№ 2), на месте будущего дома Григория Ивановича Маразли, отца Г.Г. Маразли, известного предпринимателя, питейного откупщика, что соответствует № 17-18 этого квартала. Таможня обозначена на утвержденном генплане города 1802-1803 гг. Недвижимость принадлежала семейству *барона фон Рейфенштейна (Рефенштейна)* и была «известна под названием *Старой таможни*». Почему возникла надобность в другом таможенном офисе, и был куплен дом Кирьякова? Потому, очевидно, что не доставало помещений – порт и город росли, росла и перевалка грузов. Дом барона продолжали арендовать для портовой таможни и после заключения контракта с князем Мещерским, по крайней мере до 24 августа 1807 года. Барон Георг Миллер фон Рефенштейн заключил с правительством контракт по налаживанию «близ Одессы овцеводства гишпанской породы».³⁵⁴ 11 марта 1806-го барон взял у ОСК на год ссуду в 2.000 рублей – для увеличения построек на своих местах.³⁵⁵

Но вернемся к *дому Кирьякова*. Корпус на месте № 25 был одноэтажным – что видно как из документов, так и из графики военного инженера Ж.В. Гаюи 1819 года. Поскольку места для канцелярии не доставало, для Ришелье, как было сказано, арендовали дом Поджио. Затем Комитет перестроил для

размещения канцелярии военного губернатора находившийся во дворе, на смежном по будущей Ланжероновской улице месте № 26, магазин в двухэтажный флигель, и Дюк сумел перебраться в фасадный одноэтажный дом Кирьякова. Местоположение канцелярии Ришелье четко фиксируется в журналах заседаний Одесского строительного комитета. Скажем, в заседании от 22 сентября 1810 года речь идет о том, что Казенный дом военного губернатора нуждается в починке, причем как в самом корпусе, «так в флигелях, занимаемых канцеляриею в дворе». Архитектору Фраполли поручают освидетельствовать и составить смету.³⁵⁶

После отъезда Ришелье эти постройки использовались для размещения *Строительного комитета, Городской типографии, квартирования театральной дирекции, оркестра и значительной части оперной труппы.*³⁵⁷ Все эти строения регулярно требовали ремонта, поглощали средства.³⁵⁸ В конечном счете для военно-

Слева направо: дом Рено, арендованный для военного губернатора, коммерческое казино, овальная (биржевая) зала, 1-этажный флигель бывшего дома Кирьякова. Графика Ж.В. Гаюи, 1819 г.

го губернатора был нанят один из домов коммерции советника Рено, практически по другую сторону Ришельевской – второй от ее угла по Ланжероновской. В 1817-м бывший дом Кирьякова отдали под квартирование сказанному Рено, который собирался его купить. Было оговорено: если он купит по объявленной цене, денег за квартирование с него не возьмут.

И тут начались серьезные расчеты, во что суммарно обошлись казне особо и Строительному комитету особо покупка, ремонты, включая реконструкцию после землетрясения 1802 года, достройка этого комплекса сооружений. Итого Комитет задолжал казне 33.500 рублей, каковую оплату отсрочили. А вот Рено должен был выплатить в общей сложности, с учетом комитетских расходов и процентов, 55.176 руб. 66 и две трети копейки. Однако сделка так и не состоялась. Согласно архивным документам, по крайней мере в начале лета 1822-го Рено все еще занимал этот «ветхий казенный дом, где жить невозможно», а вскоре купил «Чудной дом» (см. выше). Комитет надеялся продать сию недвижимость, архитектору Фраполли велели составить смету на проведение «самого необходимого ремонта», а полиции – организовать оценку строениям, то есть пригласить присяжных оценщиков.³⁵⁹ Насколько затянулись все эти процедуры, мы наверняка не знаем, а ремонты были: в частности, укреплялись подпорками покосившиеся дворовые постройки. По сообщению Смольянинова, этот дом разобрали 1 марта 1827 года.³⁶⁰ На самом деле то была, конечно, не однодневная акция.

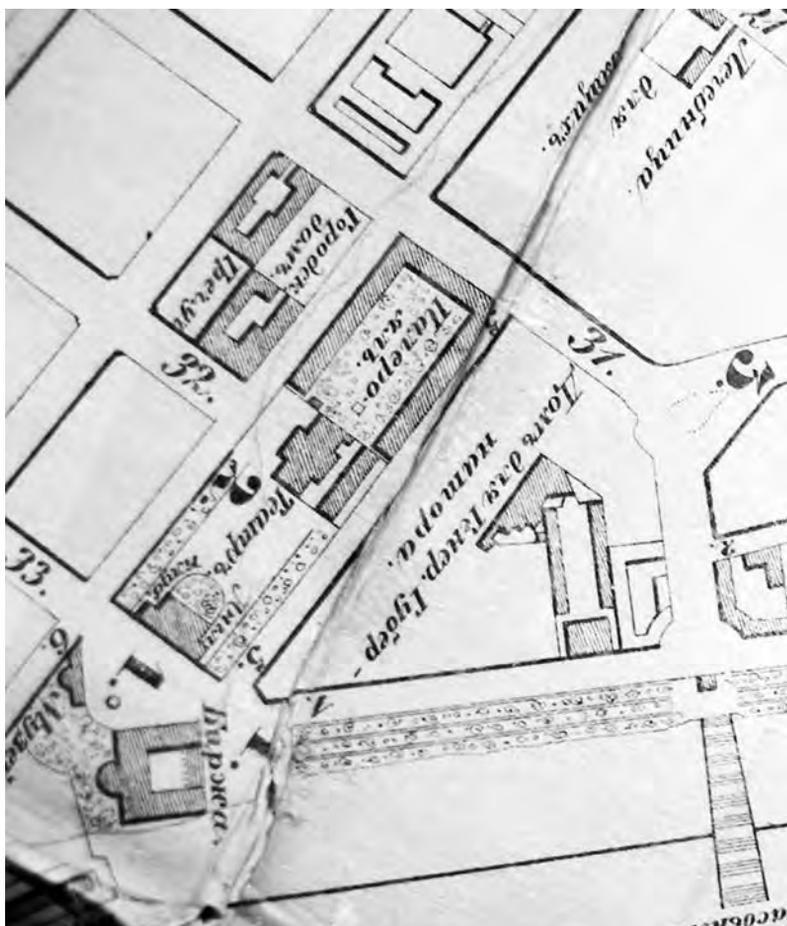
В 1826-м Воронцов согласовал с императором возможность постройки в Одессе своими силами четырех значимых объектов: 1) карантинного пакгауза, 2) здания присутственных мест, 3) дома для градоначальника и 4) соборной колокольни.³⁶¹ В октябре того же года состоялись торги, по итогам которых были заключены контракты по объектам 3 и 4. Присутственные места взялся строить подрядчик купец Бенвенуто Лати за 100.295 рублей, а дом для пребывания градоначальника – другой подрядчик-итальянец, купец Симон Томазини (ему подряд передал победивший на торгах надворный советник Карл Дитерихс), за 108.600 рублей.³⁶² При этом доверенное лицо подрядчика Томазини, причисляющийся в одесское купечество иностранец

Пьетро Фраполли, дал Строительному комитету подписку «не приступать к сломке со всеми службами состоящего на том месте (дома. – О. Г.), где предполагено строить дом для господина одесского градоначальника и занимаемого теперь актерами, до первого числа марта месяца будущего 1827 года».³⁶³

И действительно, к сломке приступили не ранее начала марта, она продолжалась около трех недель, поэтапно. Мало того, за это время демонтировали только угловой одноэтажный дом. 23 числа прораб ОСК Кривичков рапортовал о том, сколько и каких материалов получено от разборки, затем решался вопрос об их транспортировке.³⁶⁴ Ранее, 1 февраля 1827-го, правитель канцелярии градоначальника Павел Афанасьевич Шаржинский направил в Комитет запрос: предполагается ли к сломке большой флигель во дворе или при сооружении дома для градоначальника будет сохранен. Ему ответили, что «флигель может остаться не более как на год, а прочее всё сломают».³⁶⁵

Проблема заключалась в том, что двухэтажный дворовой флигель, где прежде помещалась канцелярия Ришелье, все еще занимала театральная дирекция, итальянская оперная труппа (уже в более полном составе, ибо от аренды частного дома Черновой отказались) и музыканты оркестра. Они же пользовались и дворовыми хозяйственными постройками. Это обстоятельство стесняло подрядчику фронт строительных работ, и он настаивал на демонтаже всех старых сооружений.³⁶⁶ 17 ноября 1827-го директор театра титулярный советник Осип Рено, сын коммерции советника И.П. Рено, пишет в Комитет о том, что подрядчик требует очистить флигель, но дирекции и труппе некуда передислоцироваться, а потому он обратился за разъяснением к управляющему новороссийскими губерниями.³⁶⁷ Из этой инстанции Строительному комитету предложили не ломать до весны старый флигель, а тем временем приискать для театральной дирекции и актеров подходящее помещение.³⁶⁸

Почему так важны все эти второстепенные, казалось бы, детали, вы сейчас поймете. Для того чтобы подобрать подходящее помещение, Комитет должен был знать, как дирекция, актеры, оркестр размещены в старом флигеле, о чем и спросили Осипа Рено.³⁶⁹ Тот представил отчет настолько детальный, что дает пре-

Городской дом, занимающий половину квартала по Ланжероновской ул., на плане 1866 г.

красное впечатление о *внутреннем устройстве бывшей канцелярии Ришелье*. В нижнем этаже большого флигеля, торец коего лежал по красной линии нынешней улицы Ланжероновской, находились: комната театральной конторы, довольно просторный репетиционный зал с прихожей, две комнаты для чиновника при

дирекции, четыре комнаты, занимаемые музыкантами, да еще две кухни. Во втором этаже «комнат малых» – 12, пять кухонь. Коридоры в том и другом этаже. В малом флигеле, на внутреннем дворе: пять жилых комнат, две кухни, один очаг. Плюс конюшня на четыре лошади, «где ныне помещается такое количество театральных». Сарай для двух театральных экипажей. Восемь «складочных для топлива отделений с особыми входами». ³⁷⁰ Разумеется, было во дворе и «нужное место». Существовала и выложенная камнем подземная мина, каковая обрушилась в ходе строительства нового дома.

Придется опустить целый ряд любопытных подробностей, ибо изложение заняло бы слишком много места. Перехожу к финалу этого сюжета. 3 июля 1828 года Кривчиков рапортовал Комитету о том, что приступил «к разломке флигеля, занимаемого актерами, сего месяца 2-го числа (...) актеры же из оногo флигеля переведены в Городской дом, занимаемый прежде г-м действительным статским советником Казначеевым». ³⁷¹ Речь, понятно, идет о бывшем доме Феликса де Рибаса, примыкающем к Городскому саду.

Теперь мы отчетливо представляем, как выглядела и как была устроена эта казенная недвижимость в 1800-1820-х, какой видел ее Пушкин и его современники. А ведь Поэт жил напротив и буквально ежедневно проходил мимо. Вполне возможно, даже бывал в этом дворе.

Дом князя Волконского (Рено)

Собственно, не дом, а целый комплекс строений, занимавший половину всего III-го квартала Военного форштата, четыре места из восьми: № 15, 16, 19, 20. Это соответствует пятну застройки нынешними зданиями по Дерибасовской, № 10, Ришельевской, № 3, плюс по Лажероновской, № 9, и скверу по Ришельевской, № 1, возле Оперного театра. Весь комплекс – надежно атрибутированное и одно из наиболее значимых пушкинских мест в Одессе, отмеченное *арт-объектом «Тень Пушкина»*, устроенным и открытым учредителями международного фестиваля «Пушкинская осень в Одессе» 26 сентября 2013 года.

В ходе первичной раздачи участков под застройку (1794) генерал-поручик князь *Григорий Семенович Волконский* получил места № 16 и 20, а № 15 и 19 отвели премьер-майору Осипову.³⁷² Однако Волконский, в отличие от большинства других синхронных застройщиков, обладал куда большими возможностями, ресурсами, а потому застроился одним из первых, причем освоил все четыре места.³⁷³ В связи с новым назначением Волконский оставил Одессу в 1797-м, и эта его недвижимость использовалась как доходная. В июле 1799-го в доме останавливался и описал его племянник знаменитого российского литератора А.П. Сумарокова, Павел Сумароков. Он называет этот комплекс зданий и сооружений обширным обнесенным «со всех четырех сторон, как замок, каменными строениями», каковые «отдаются в наймы разным людям».³⁷⁴ Описание вполне соответствует генплану 1802-1803 гг.

При каких обстоятельствах эта недвижимость перешла к Жану Рено? Нет ни малейших сомнений в том, что он купил ее у Волконского, о чем прямо говорит К.Н. Смольянинов.³⁷⁵ Я нашел четкое подтверждение этому факту и в архивных документах (1806 г.), о чем скажу ниже. Но, похоже, купчая крепость со временем была утрачена. Такое случалось нередко, особенно во время катастрофической чумной эпидемии 1812-1813 гг. Поэтому много лет спустя Рено пришлось наново всё узаконивать. Сохранилось архивное дело за ноябрь-декабрь 1824 года о выдаче ему владельческих документов. При этом коммерции советник барон Рено, ссылаясь на свидетельства авторитетных старожил, заявляет буквально следующее: «С начала заселения города Одессы занял я пустопорожние места, состоящие в 1-й части в III-м квартале под № 15, 16, 19 и 20-м, на которых на собственный капитал произвел постройку, знатную сумму составляющую».³⁷⁶

Это, конечно, не так, поскольку до середины 1870-х левая часть фасадных строений по Ришельевской представляла собой один из первичных полуторазтажных флигелей, построенных Волконским. В пушкинское время именно в этом строении помещалось коммерческое казино. Однако у нового владельца, действительно вложившего в капитальную реконструкцию всех четырех мест немалые средства, и в самом деле не было иного выхода

С права – дом компании Беллино-Фендерих, построенный на месте коммерческого казино, и дом Стифелей, перестроенный из дома Рено. Вторая половина 1870-х.

по легализации собственности. Подобным же образом, случалось, поступали и другие домовладельцы.

Строительный комитет ставить палки в колеса своему многолетнему казначею и крупному добросовестному кредитору не собирался. Рено многократно ссужал ОСК на покрытие бюджетного дефицита: скажем, осенью 1819-го – на колоссальную сумму, 140 тысяч рублей.³⁷⁷ Он курировал сооружение Всехсвятской церкви на Старом кладбище³⁷⁸, был директором Городского театра (см. ниже), много занимался устройством разных городских дел. Архитектор Боффо докладывал, что места «застроены по плану, Комитетом утвержденному»³⁷⁹, Городовой магистрат сообщил, что данные строения многократно принимались в залог по разным предприятиям и подрядам.³⁸⁰ О принятии этой недвижимости в залог гораздо ранее 1824-го имеются и другие документы.³⁸¹ Зафиксирована также и чуть более поздняя оценочная стоимость недвижимости и мест № 15-16: 128.090 рублей в сгораемых и 96.067 рублей в несгораемых материалах. Владельческие документы Рено, конечно, получил – 15 декабря 1824-го.³⁸²

Биржевый (Клубный) зал

Теперь перейдем непосредственно к составным частям всего комплекса принадлежавшей здесь Рено недвижимости. Как было сказано, в интересующее нас время левый полуторазтажный флигель, соответствующий территории нынешнего сквера по Ришельевской, № 1, использовался как коммерческое казино.

Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт Casino; чашек звон
Там раздается; на балкон
Маркёр выходит полусонный
С метлой в руках, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

К различным заведениям, связанным с этой недвижимостью, мы еще вернемся. Начнем же с так называемой Биржевой залы, встроенной Рено посередине квартала со стороны Ришельевской меж двумя первичными угловыми флигелями Волконского. Имеется довольно представительная иконография, но мы сосредоточимся на архивных документах. В фонде Одесского строительного комитета сохранилось дело «О построении биржевой залы г-ном коммерции советником Рено и о найме оной у него, Рено» от 17 декабря 1806-го. Кондиции, то есть условия, поставленные строителям и держателям, крайне любопытны, ибо дают отчетливое представление о функциях этой институции, в том числе – в пушкинское время:

«1-е. *Биржевая зала* сделана будет по смете и расположению архитектора Фраполли и украшена приличным образом.

2-е. Содержать оную г-ну Рено десять лет, чрез которое время Комитет должен строить или нанимать другую.

3-е. Предоставить ему, г-ну Рено, право давать в ней обыкновенные *публичные балы*, с тем, чтобы кроме его никто более чрез все то время давать таковых не должен оных, выключая известных под именем балашов.

4-е. Объявления от правительств, *коммерческие ведомости* о прибытии и отбытии судов и описи их грузов должны быть

объявляемы только в биржевой зале, как и проводимы *публичные продажи вещей или аукционы*.

5-е. От Комитета должен получать содержатель за устройство и содержание залы в течение десяти год по тысяче рублей ежегодно, которые выдать по истечении каждой трети (года. – **О. Г.**).

6-е. Буде случится надобность содержателю, то Комитет обещает выдать взаимобразно семь тысяч рублей на три года за указанные проценты и под верный залог с платежом третьей части суммы ежегодно в возврат Комитету, равно ежели не отыщется в городе нужной для сего строения (...)

7-е. Комитет позволит ему одному содержать *буфет при Театре*.

8-е. Сказанной биржевой залы г. Рено отделит часть дому, *купленного от князя Волконского*».

Подписали: военный комендант Кoble, полковник Ферстер и другие члены Комитета.

Уже 31 декабря 1806-го Рено докладывает Комитету о том, что биржевая зала им совершенно окончена, и просит выдать ему в апреле 1807-го полагающиеся по контракту 500 рублей, отсчитывая начало эксплуатации с этого дня.³⁸³ В журнале заседаний Строительного комитета от 20 декабря 1806-го записано, что Биржевая зала закончена, освидетельствована, и на основании заключенного контракта Рено просит выдать 500 рублей за первое полугодие.³⁸⁴ То есть постройка, конечно, производилась ранее, по крайней мере весь строительный сезон 1806-го, а в это время шла его окончательная внутренняя отделка.

Самое для нас значимое: Биржевая зала использовалась по назначению с 31 декабря 1806-го по 31 декабря 1824 года, а стало быть, и во все время пребывания Пушкина в Одессе и на Юге. Нахожу необходимым подкрепить это заявление документально. Есть данные о выплате Рено в разные годы контрактной суммы.³⁸⁵ Невозможность продления контракта связана с высочайше утвержденным положением от 3 марта 1824 года «О доходах и расходах города Одессы и о управлении оным».³⁸⁶ Ссылаясь на это постановление, градоначальник граф А.Д. Гурьев 27 ноября 1824 года пишет в Строительный комитет: «...никакой суммы на биржевую залу не положено; к тому же и побудительных причин, по коим зала сия была нанимаема, в настоящее время более не существует, ибо

право на *публичные представления* исключительно предоставлено *содержателю театра*, по заключенному с ним самим Комитетом контракту, для объявления Коммерческих ведомостей о прибытии и отбытии судов и объявлений правительства устроились в городе разные места, где торговый класс людей ежедневно собирается, и сверх того те и другие *печатаются в издаваемой теперь в сем городе газете*; а публичные продажи вещей производятся в *лавке аукциониста*, то его сиятельство предлагает Комитету наем Биржевой залы прекратить». Поэтому следует рассчитаться с Рено, не медля, и сдать ему зал по описи, как следует. К слову, контрактная сумма в это время простиралась уже до 3.000 рублей в год.³⁸⁷

Любопытное уточнение, касающееся статус-кво в 1824 году. По сообщению гофмаклера Федора Андре, в тот год из-за упадка торговли биржевых собраний не было, однако в Биржевой зале беспрепятственно собирались купцы, проводились аукционы, проводились *собрания имеющих оседлость в Одессе дворян* и др.³⁸⁸ Эдвард Моргон (1828 г.) пишет: «Шевалье (со временем барон) Рено (Rainaud) под обещанные ему льготы обязался построить огромное здание, называемое клубом, которое бы содержало, наряду с другими удобствами, большой салон, предназначенный для совершения биржевых сделок. Клуб в скором времени действительно был построен, однако упомянутый салон часто пустовал, поскольку торговцы предпочитали собираться в кафе, находящемся в другой части здания (то есть – в коммерческом казино. – **О. Г.**)».³⁸⁹

Заслуживает внимания пункт контракта о «коммерческих ведомостях» во взаимосвязи с замечанием Гурьева о публикации коммерческих новостей в местной газете («*Journal d'Odessa*»). До появления газет сказанные ведомости вовсе не были только вербальными: по сообщениям старожилов, их предтечей стали так называемые «*Биржевые листки*», то есть печатная продукция из типографии Роскета.³⁹⁰ Короче говоря, функции Биржевой залы были довольно многообразны, в том числе – в пушкинское время.

О проводившихся там светских мероприятиях – маскарадах, балах по подписке и проч. – у меня есть отдельная публикация.³⁹¹ Но едва ли кто знает о функционировавшем некоторое время в Биржевой зале так называемом *Малом театре*. Информацию о нем можно почерпнуть в рапорте директора Городского театра коммерции

советника Рено Строительному комитету, датированному первыми числами апреля 1821 года. Он докладывает, «что в 1809-м или 1810-м годах, с согласия бывшего военного губернатора дюка де Ришелье и здешней публики, был устроен в Биржевой зале *графом Растиньяком* (Шарль де Растиньяк – двоюродный брат Ришелье. – О. Г.) на собственный кошт малой театр, где, по желанию публики, давались любителями театра пьесы. Для которого граф Растиньяк издержал на покупку нужных материалов, делание декораций, на гардероб и прочее около 2-х тыс. рублей. После того, по приказанию дюка де Ришелье, все те вещи из зала, как то весь дощатый мост, для театра сделанный, под оным козлами из кроков и прочим всем прибором, все декорации, передняя занавеса со всем прибором, – словом, все устроенные было Растиньяком вещи, отданы им для хранения в казенный одесский театр». В последнее время содержатели *Монтовани* и *Замбони* употребили эти вещи, принадлежащие Растиньяку, и тот требует удовлетворить его 800 рублями. Комитет ответил так: поскольку оное имущество по комитетским делам не значится, Рено должен требовать сатисфакции непосредственно от лиц, оное употребивших.³⁹²

Летом 1810-го Клубную залу и смежный кофейный дом неоднократно посещал князь И.М. Долгорукий. Он перечисляет ее достопримечательности: порядочную вместимость – до 600 человек, колоннаду, хоры, искусно расписанную галерею, упоминает гостинные покои, бильярды, «покои для карт и стола, тоже хорошо убранные». Хорошо отзываясь о кофейном доме, куда приходил со дня приезда в Одессу, восторгается мороженым из абрикосов, говорит о том, что здесь тоже был бильярд.³⁹³

Дом военного губернатора

Теперь же нас будет интересовать другой объект из принадлежавших Рено на этом пятачке – *дом, нанятый у него для квартирования военного губернатора*, ныне – место в пределах застройки домом № 9 по улице Ланжероновской и частично – сквера по Ришельевской, № 1. Почему это важно? Потому что локализует местопребывание на определенном этапе высших администрато-

ров города и края. Новая резиденция была выбрана самим Ришелье, ибо бывший дом Кирьякова физически и морально устарел. Однако для передислокации в новый достойный офис необходимо было его оборудовать, достроить кухню и конюшню, о чем и шла речь на заседании Строительного комитета за десять дней до отъезда Дюка во Францию.³⁹⁴ В марте 1815-го под надзором архитектора Фраполли конюшню построили.³⁹⁵ В сентябре того же года он занимался «разными переделками» в том же здании.³⁹⁶ Обитал ли тут в это время исполнявший обязанности градоначальника генерал-майор Ф.А. Кобле? Думаю, нет. Он владел очень хорошей и разной недвижимостью, получал немалые «квартирные»³⁹⁷ и вряд ли проявил бы интерес к не обустроенному месту. Да и не был губернатором Кобле, а лишь градоначальником. О нем мы еще поговорим.

Так или иначе, этот дом обозначен как резиденция военного губернатора уже на городском плане 1814 года, и он реально был нанят. Трудно предполагать, что дом совсем не использовался при высокой арендной плате, но как именно, пока судить трудно. Могу сказать наверняка лишь то, что граф А.Ф. Ланжерон точно обосновался в полностью приспособленном для проживания и приемов здании. 22 августа 1818 года Рено отпустил «живописцу Пито на живописное украшение к приезду государя императора залы в доме, занимаемом его сиятельством, тысячу пятьсот рублей».³⁹⁸ Визит в Одессу *императора Александра Павловича* в сопровождении ряда видных государственных деятелей – широко известное историческое событие. Местопребыванием их в эти дни и был дом военного губернатора.

Дом арендовался по 1822-й год включительно, о чем свидетельствует серия архивных документов.³⁹⁹ Сообщение резиденции Ланжерона с так называемым Клубным двором, то есть двором, примыкающим к Биржевой зале, осуществлялось через специальные внутренние ворота⁴⁰⁰ – чтобы его сиятельство не обходил дом по улице. В 1822-м году по словесному указанию Ланжерона «живописец Торичелли» (Джованни, отец известного архитектора) произвел ряд работ в этом доме: их перечень в архивном документе дает неплохое представление о количестве и назначении комплекса внутренних помещений. «Обтяжка»

колонн полотном в *большой зале*, там же – новый фриз, часть потолка, пьедестал печи, цоколь и «оттенка» по всей зале. Фриз в *большой гостиной*, роспись печи, части потолка, стены и цоколя. В *кабинете* окраска стены зеленою краскою, правка части потолка. В *столовой*: исправление части стены, фриза, цоколя. В *приемной* комнате: исправление печи, стены, фриза, цоколя. В *малой гостиной*: окраска стены зеленым цветом наново, исправление всего потолка, части фриза, около окошек и двери, переделка вновь цоколя. В *девичьей*: окраска стены желтым цветом. В *сенях*, где *парадная лестница*, исправление стены вновь, части потолка и карниза, окраска лестницы и печной стенки при оной. Торичелли работал с подмастерьем, возможно, с сыном.⁴⁰¹ Еще ранее, 24 января 1821 года, архитектор Фраполли докладывал о том, что в квартире военного губернатора «переделана из *старой библиотеки спальня* и из оной сделан ход в другую комнату». Эти помещения находились во втором этаже.⁴⁰²

Тот же 1822-й знаменует некоторые перемены в концепции аренды городом зданий и сооружений для особых нужд. В это время появляются доходные дома нового поколения, явно превосходящие патриархальные постройки, даже те, что из лучших. Мы уже знакомимся с такими на маршруте по Херсонской улице – Кошелева, Гари, Инглези, Фундукля. Последний арендовали для Воронцова, а первый – для градоначальника Гурьева, о чем уже было говорено. Теперь – относительно обстоятельств перемены местоположения резиденции градоначальника.

25 сентября 1822-го в заседании Строительного комитета обсуждался вопрос передислокации. Проанализировав ситуацию, заседатели пришли к выводу о том, что дом Кошелева во всех отношениях лучшее решение. Домовладелец предлагает значительные меблированные площади, отдельные помещения для канцелярии и проч., причем за меньшую цену. С другой стороны, казенный дом, приобретенный у де Рибаса, «тесен и неудобен». В итоге решили контракт с Рено после 1 января 1823 года не продлевать, заключить контракт с Кошелевым, казенную «мебель ту, которая есть в квартире графа Ланжерона», перенести в бывший дом де Рибаса, назначенный «для приезду генералитетов».⁴⁰³

Теперь – забавный эпизод. Общеизвестно, что *Зинаида Волконская* в 1819-м находилась в Одессе. Но мало кто знаком с ее акварелями, запечатлевшими город, и следующим ерническим текстом: «Пришла весна. Выставляют двойные рамы. Снег сходит с крыш. Граф (Ланжерон. – **О. Г.**) выходит из своего дома на улицу к экипажу, погружаясь башмаками в грязь. Он взбешен: его экипаж провалился в яму и не может из нее выбраться. И пока граф бурно выражает свое возмущение, его повар, также провалившийся в грязь, набивает ею полные сапоги. Графская карета не может выбраться до самого вечера, а я тайком наблюдаю эту сцену».⁴⁰⁴ Оставляя пока без внимания хрестоматийную одесскую грязь, обратим внимание на другое обстоятельство. Волконская следит за событием из окна дома. Какого? Мы ведь не знаем, где она снимала апартаменты. Полагаю, из соседнего по Ланжероновской улице дома барона Рефенштейна, либо расположенного на противоположной стороны Итальянской дома помещика Бугаевского (см. ниже). Других наблюдательных пунктов поблизости не найти. В коммерческое казино светские дамы не хаживали. Обветшавший дом Кирьякова – худое жилье. Из дома Поджио

Справа: дома Мясникова (Посилина), Поджио (Кирико) и Городской.
Слева: коммерческое казино и овальная зала в доме Рено

и Биржевой залы эта улица не просматривается. Так что остаются только два варианта, из которых следует выбрать второй, поскольку это как раз отменный доходный дом, а постройки, принадлежавшие барону, имели специально назначение. Кстати, в переписке К.Н. Батюшкова есть упоминание о посещении резиденции Зинаиды Волконской: обитали они практически напротив друг друга, по обе стороны Театральной площади.

Что до скверного состояния проезжей части, оно стало притчей во языцех. Замостить улицы прочными изверженными породами не было возможности, производили отсыпки известнякового щебня, который быстро перемалывался колесами. Поэтому еще со времен Ришелье для перехода улиц местами устраивались мостики. Свою личную проблему выхода и проезда в непогоду Ланжерон решил, во-первых, поручив сделать проход в Клубный двор, – тогда появлялась возможность перейти на более ровную Ришельевскую улицу. Во-вторых, распорядился сделать переходы из некондиционного леса.⁴⁰⁵

Тут будет кстати помянуть кишиневского знакомого Пушкина *А.М. Худобашева*, о котором столь забавно пишет И.П. Липранди: «Третий субъект был армянин, коллежский советник Артемий Макарович Худобашев, бывший одесский почтмейстер, но за битву свою с козлом между театром и балконом, где находилось все семейство графа Ланжерона, оставил эту должность и перешел на службу в Кишинев. Это был человек лет за пятьдесят, чрезвычайно маленького роста, как-то переломленный набок, с необыкновенно огромным носом, гнусивший и бесщадно ломавший любимый им французский язык, страстный охотник шутить и с большой претензией на остроумие и любезность. Не упускал кстати и некстати приговаривать: «Что за важность, и мой брат Александр Макарыч тоже автор», – и т. п. Пушкин с ним встречался во всех обществах и не иначе говорил с ним, как по-французски. Худобашев был его коньком; Александр Сергеевич при каждой встрече обнимался с ним и говорил, что когда бывает грустен, то ищет встретиться с Худобашевым, который всегда «отводит его душу»; Худобашев в «Черной шали» Пушкина принял на свой счет «армянина». Шутники подтвердили это, и он давал понимать, что он действительно кого-то отбил у Пушкина. Этот, узнав, не давал

ему покоя и, как только увидит Худобашева (что случалось очень часто), начинал читать «Черную шаль». Ссора и неудовольствие между ними обыкновенно оканчивались смехом и примирением, которое завершалось тем, что Пушкин бросал Худобашева на диван и садился на него верхом (один из любимых тогда приемов Пушкина с некоторыми и другими), приговаривая: «Не отбивай у меня гречанок!». Это нравилось Худобашеву, воображавшему, что он может быть соперником. Худобашев был вырезан на печати верхом на козле с надписью кругом «Еду не свищу, а наеду – не спущу». Я привез одну из трех печатей в Одессу Пушкину».

Появление коз и коров в самом центре города в принципе не было чем-то экстраординарным даже и несколькими десятилетиями позднее⁴⁰⁶, ибо живность имела во многих дворах. Более того, специально нанятые пастухи прогоняли стада по улицам на городской выгон. Комичной выглядела сама «коррида». Полагаю, впрочем, что перевод Худобашева в Кишинев имел куда более серьезные основания, о которых я не так давно сообщал в любопытном одесском сюжете в «Энциклопедии забытых одесситов».⁴⁰⁷

Клубная гостиница

Судьба правого углового флигеля бывшего дома Волконского, на углу Дерибасовской, складывалась примерно так же, как и левого, на углу Ланжероновской, но только до лета 1821 года. 8 июня этого года Одесский строительный комитет утвердил план и фасад этой части дома Рено⁴⁰⁸, которая надстраивалась этажом для устройства отеля «для чистой публики». Из всего этого следует, что в 1821-м Пушкин не мог здесь останавливаться, впрочем, как и в гостинице Сикара, о чем мы еще будем говорить. Пребывание Поэта в Клубном доме относится уже к 1823-1824 гг. Успел ли Рено произвести работы в течение строительного сезона 1821 года? При его возможностях, убежден, да. Как свидетельствует практика, за один сезон возводились и большие доходные дома.

Мемуары, связанные с пребыванием Пушкина в Клубной гостинице, широко известны,⁴⁰⁹ не вижу надобности в пространных цитатах. Резюмируя эту информацию, В.А. Чарнецкий пишет:

«В этой гостинице, в угловом номере 14 (угол Дерibasовской и Ришельевской. – О. Г.), жил А.С. Пушкин, останавливались писатель П.П. Свиньин, авторы известных мемуаров Ф.Ф. Вигель, И.П. Липранди».⁴¹⁰ Свиньин пишет (1825 г.): «Занял в клобе* № 14-й, имеющий балкон на Ришельевскую и де Рибасовскую улицы, я на первый раз удовольствовался наблюдением оттуда непрерывного движения, продолжающегося на улицах до полуночи. Прекрасные кареты, коляски, кабриолеты, верховые, возы с товарами, разносчики, разноцветные, разнородные группы гуляющих по тротуарам сменяли попеременно сцены, являли благодотворные следы торговли...».⁴¹¹ В первый свой приезд в Одессу летом 1823-го Вигель обитал в смежном номере: «Я остановился в известнейшем отеле Рено, близ театра, перед которым горела блестящая иллюминация. Она была по случаю приезда графа Воронцова и должна была продолжаться три дня. Подмостки были сделаны, шкалики куплены, и хотя в это самое утро отправился он в Бессарабию, ее все-таки зажгли. Следовательно, как будто праздновали его отбытие (...). Рядом со мной, об стену, жил Пушкин, изгнанник-поэт».

А вот об истории помещавшейся в первом этаже отеля *ресторации Цезаря Людвиговича Отона* хотелось бы кое-что сказать. Выше упоминалось о том, что после приобретения Крамаревым двух домов Бейна они некоторое время сдавались в аренду под различные заведения. Скажем, в 1822-м и первой половине 1823 года знаменитый Отон содержал здесь *кухмистерский стол* и выражал желание завести *гостиницу*.⁴¹² Почему не ресторан? А потому, что содержание ресторанов в ту пору было признано ненужным и запрещено распоряжением градоначальника графа А.Д. Гурьева.⁴¹³ Вскоре, однако, Цезарь Людвигович перебазировался в дом Рено, где открыл ресторан (которая некоторое время формально рестораном не значилась) при существовавшей там гостинице, и, судя по всему, именно по причине начатой Крамаревым перестройки зданий. Очень может быть, Пушкин бывал у Отона в доме Крамарева еще до окончательного переезда в Одессу летом 1823-го, в ходе предыдущих вояжей из Кишинева.

* Лучшая гостиница в Одессе. За две комнаты платил я по 10 рублей в день.

Исследователей издавна удивляет одно неясное место из воспоминаний лицеиста Н.Г. Тройницкого: «Как раз против лица, на Дерибасовской улице, стоял небольшой одноэтажный дом, на котором красовалась вывеска с надписью большими золотыми буквами: Cesar Automne restaurateur. Здесь был известный в то время ресторан, в котором Пушкин любил коротать свои невольные досуги».⁴¹⁴ Но в пору постоянного пребывания Пушкина в Одессе ресторация Отона функционировала при Клубной гостинице, причем опять-таки в формате кухмистерского стола. Ни о какой такой вывеске и речи идти не могло. Однако все становится на свои места, если понимать, что мемуарист повествует о ситуации чуть более, буквально на несколько месяцев, ранней. Конечно, ресторация Отона находилась тогда не прямо против лица, строения которого заканчивались на траверзе Красного переулка, а несколько выше, ближе к углу Преображенской. Тем не менее это проясняет текст Тройницкого.

* * *

Что устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызнутых лимоном.
Шум, споры – легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отонем.

Кстати, из пушкинских черновиков видно, о каком именно вине здесь идет речь: «*Шабли, студеное вино, вино из погребов принесено на стол услужливым Отонем*».⁴¹⁵ Что до устриц, они, судя по всему, были сезонным или нерегулярно поставляемым продуктом. По крайней мере Долгорукий пишет: «Устриц не видал».⁴¹⁶ Правда, это было гораздо раньше, и спрос мог быть ниже.

Большинство сообщений современников об Отоне довольно широко растиражировано. «Самым дорогим рестораном в Одессе была Ришельевская гостиница, содержаемая Отонем (Autonne), –

Городской театр и кофейня «Ришелье» (бывшее casino). Снимок 1860-х гг.

пишет Болеслав Маркевич (речь идет о времени, когда она переместилась из дома Рено на противоположную сторону Ришельевской улицы, в так называемый дом градоначальника, или Городской дом. – О. Г.). – В нем порция любого блюда на выбор стоила 15 копеек. «Отчего у вас дороже других?» – спрашиваешь почтенного, грузного, с правильными чертами старофранцузского лица, неторопливо-предупредительного, важно-любезного хозяина. «Oh, mon Dieu, monsieur, c'est pour n'avoir chez moi qu'une société choisie». «Monsieur Autonne, ведь вы воспеты Пушкиным», – говоришь ему опять как-то невольно льстиво. «J'ai entendu dire, en effet, – отвечает он с величавым видом министра, которому докладывают между прочим о хвалебной статье, напечатанной про него в какой-нибудь ничтожной газете, – que monsieur Pouchkine avait en la bonte de parler de moi dans ses vers. C'est tres aimable à lui de l'avoir fait». – «Он часто обедал у вас здесь?» – «Très souvent, oui, monsieur. Il préférait le Saint-Péray a toutes les autres marques

de champagne, et j'en ai toujours en d'excellent dans ma cave». И улыбнется при этом, точно орденом пожалует... Прелестнейший образчик француза старого закала был monsieur Autonne». ⁴¹⁷

Отон последовательно арендовал помещения в домах Крамарева, Рено, «городском доме», числился «торгующим в городе Одессе по 3-й гильдии купечества французско-подданным», владел лавками на Театральной площади (Пале-Рояль). По сообщению Л.А. Черейского, он умер 22 июня 1860 года, но это не соответствует действительности, ибо летом 1864 года ресторатор поместил в газете объявление о продаже «старого французского вина. Сын Отона, Людовик (Луи) Цезаревич, – известный одесский архитектор. ⁴¹⁸

Помимо гостиницы и ресторации Отона в интересующий нас период в этом комплексе домов Рено помещались: ресторация (формально – кухмистерский стол) сардинско-подданного *Филипа Бароли*, кофейня сардинско-подданного *Луиджи Мортовудро*, ⁴¹⁹ казино иностранца *Ивана (Джованни) Ивановича*, ⁴²⁰ перешедшее к *Луиджи Лемме*, ⁴²¹ который из иностранцев причислился в одесское 3-й гильдии купечество ⁴²² и др. Клубную залу содержал бывший антрепренер итальянской оперы, одесский 3-й гильдии купец *Иван (Джованни) Монтовани*, ⁴²³ о котором еще поговорим. Важно, что при этой зале в 1824-м функционировала отдельная кофейня, в которой реализовывались высококачественные сладости из Италии. ⁴²⁴ Можно упомянуть *бильярды*, имевшиеся как в Клубной зале, так и в Казино: об этом говорит сам Пушкин – в отредактированном варианте «Путешествия Онегина» и в черновиках.

Тут, к слову, надо отметить одно любопытное обстоятельство. Дело в том, что в первые десятилетия существования Одессы не только Клубная зала, но и примыкающее к ней казино играли роль биржи, источника коммерческих новостей. Я упоминал «Биржевые листки», которые были первыми местными СМИ, явившимися задолго до первых газет. К сожалению, до нас они не дошли, но информация середины 1820-х иллюстрирует ситуацию довольно наглядно: содержатели залы и (или) казино, к примеру, тот же Лемме, заключали на этот счет контракты с городской типографией (бывшей Россета; ранее – с самим Россетом)

Вид на Городской театр и кофейню «Ришелье» (бывшее коммерческое казино). 1860-е гг.

на печатанье объявлений о прибытии в порт коммерческих судов и описей товарам, об условиях фрахта, аукционах и проч. Кроме того, печатались курсы валют, грузовые билеты, винные этикетки, табачные ярлыки, различные бланки, визитные карты, театральные афиши, программы учебных заведений, похвальные листы, прейскуранты отдельных магазинов, ресторанов и др.⁴²⁵

Таким образом, мы можем утвердительно ответить на вопрос о наличии *карты блюд у Отона или Сикара* в пушкинское время, хотя физически мне они пока не встречались. Впрочем, мы можем видеть синхронные бланки, ярлыки, театральные афиши, товарные ярлыки и чеки лучших одесских магазинов первой половины 1820-х.

Теперь относительно *бани при Клубной гостинице*. В 1828-м «Одесский вестник» опубликовал следующее объявление: «Публичная баня в Клубной гостинице, заведение столь же приятное, сколько и полезное, открыта для публики. В ней можно будет принимать во всякое время от утра до вечера теплые и холод-

ные бани в пресной или морской воде, равно как и русские. Цена: 25 руб. за 12 бань, 13 руб. за 6, а 2 руб. 50 коп. за каждую баню».⁴²⁶ Предположение о том, что ранее эта баня могла функционировать не как публичная, а лишь для нужд постояльцев, представляется маловероятным: при таком варианте стоимость разового посещения возросла бы до небес. Кроме того, в интересующую нас эпоху и ранее в городе существовало несколько вполне раскрученных бань, о чем можно узнать в одном из следующих разделов.

Примечания

- ³⁴⁷ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 591.
- ³⁴⁸ ГАОО, ф. 44, оп. 1, д. 15. – 71 л.
- ³⁴⁹ Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 34-35.
- ³⁵⁰ ГАОО, ф. 17, оп. 1, д. 471. – 12 л.
- ³⁵¹ Там же, д. 473. – 10 л.
- ³⁵² Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 637-646.
- ³⁵³ Первые книги Одессы. – Одесса: Optimum, 2011, с. 220.
- ³⁵⁴ Там же, д. 258, л. 233; Там же, ф. 59, оп. 1 – 127, л. 142-143.
- ³⁵⁵ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 20, л. 5, № 17.
- ³⁵⁶ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 118 об.
- ³⁵⁷ Там же, д. 278, л. 508-510, 637-646.
- ³⁵⁸ Там же, д. 262, л. 118 об.
- ³⁵⁹ Там же, д. 281, л. 385-386.
- ³⁶⁰ Смольянинов К.Н. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 147, примечание 138.
- ³⁶¹ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 668, л. 3 – 3 об.
- ³⁶² Там же, л. 17, 19, 30-40, 42, 44-47 об.
- ³⁶³ Там же, л. 21.
- ³⁶⁴ Там же, л. 69, 70, 72, 73, 75.
- ³⁶⁵ Там же, л. 66.
- ³⁶⁶ Там же, л. 90.
- ³⁶⁷ Там же, л. 142.
- ³⁶⁸ Там же, л. 144-144 об.
- ³⁶⁹ Там же, л. 155.
- ³⁷⁰ Там же, л. 165, 166.

- 371 Там же, л. 245.
- 372 Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – Одесса, 1853, с. 590.
- 373 Олег Губарь. История градостроительства Одессы и функции Одесского строительного комитета. – Одесса, 2015, с. 17-19.
- 374 Первые книги Одессы. – Одесса: Optimum, 2011, с. 212.
- 375 Смольянинов К.Н. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 151.
- 376 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 434, л. 1, 2.
- 377 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 276, л. 228-229.
- 378 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 12, 13, 15, 16, 199, 208, 209, 212, 217, 296, 378, 380, 440, 526, 527, 546.
- 379 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 434, л. 3.
- 380 Там же, л. 4 об.
- 381 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 268, л. 147А – 148.
- 382 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 663, л. 164-166.
- 383 Там же, д. 22, л. 2, 7.
- 384 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 298.
- 385 Там же, д. 259, л. 5; Там же, д. 266, л. 284; Там же, д. 276, л. 455; Там же, д. 281, л. 54 и др.
- 386 Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIX – 1824, с. 192-201.
- 387 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 399-400.
- 388 Там же, д. 22, л. 68.
- 389 Эдвард Мортон. Одесса как она есть. – Одесса: Optimum, 2012, с. 85.
- 390 Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: Optimum, 2011, с. 83-109.
- 391 Олег Губарь. Воронцов и Воронцова. – Одесса: Optimum, 2015, с. 87-189.
- 392 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 250.
- 393 И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – М., 1870, с. 135, 152.
- 394 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 182.
- 395 Там же, д. 268, л. 141.
- 396 Там же, д. 269, л. 306.
- 397 Там же, д. 259, л. 7 и др.
- 398 Там же, д. 274, л. 245.
- 399 Там же, д. 276, л. 454; Там же, д. 281, л. 54 и др.
- 400 Там же, д. 277, л. 119-121.
- 401 Там же, д. 284, л. 573-576.
- 402 Там же, д. 279, л. 25.

- 403 Там же, д. 282, л. 332, 334.
- 404 Наука и жизнь. – 1991, № 2, с. 72-73.
- 405 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 22 об.
- 406 Одесский вестник. – 1866, № 160.
- 407 Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: Optimum, 2011, с. 11-24.
- 408 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 9, л. 4 об.
- 409 Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: 1799-1826 гг.
- 410 В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: Друк, 2001, с. 28.
- 411 П.П. Свиньин. Взгляд на Одессу. – Отечественные записки, 1830, январь, с. 9.
- 412 ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 9, л. 4.
- 413 Там же, д. 132, л. 179, 185.
- 414 Н.Г. Тройницкий. – Русская старина, 1887. Т. 54, с. 159.
- 415 А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. В 16 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. VI, с. 470.
- 416 И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – М., 1870, с. 165.
- 417 Б.М. Маркевич. Полное собрание сочинений. Т. XI. – СПб., 1885, с. 388-389.
- 418 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 527.
- 419 ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 9, л. 4.
- 420 Там же, л. 24-25.
- 421 Там же, д. 280, л. 29.
- 422 Там же, д. 4, л. 3.
- 423 Там же, д. 280, л. 29.
- 424 Journal d’Odessa. – 1824, 23 août, № 68.
- 425 ГАОО, ф. 4, оп. 3Б, д. 570, л. 32 об., 33, 44, 60, 67, 87, 89, 105, 122.
- 426 Одесский вестник. – 1828, № 30.

